

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕДМИЦА

Рубрику ведёт
Александр Орлов

«МОЙ УТРЕННИЙ АНГЕЛ...»

В своих стихах *Галина Климова* необычайно точно запечатлела всё унаследованное и приобретённое, словно ничего не прошло мимо её рачительного взгляда бесследно. Свойственное ей восприятие обступающей действительности позволяет как в кратком, так и в развёрнутом стихотворении мастерски объединять параллельные миры существования человека, неустанно изучая и переосмысливая собственное «я» в соприкасающихся временных пространствах. Рассматривая изнутри и снаружи сиюминутное и вечное в обширном духовном контексте, она словно разделяет на время и воссоединяет навсегда пережитое, увиденное, услышанное. Поэтическому миропониманию Галины Климовой свойственно многообразное движение, в котором она добивается редкостной лёгкости, плавности и стремительности одновременно, строки и строфы словно пролетают, оставляя при этом в памяти читателя незабываемый след.

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕДМИЦА

На босу ногу, натошак, в сорочке,
Как только пришлый день раскинет сеть,
Читаю с пальцем, силюсь петь псалмы и тропари.
Я к Божьей Матери напрашиваюсь в дочки

С домашней живностью, со всей своей семьёй,
С потомками борцов за справедливость,
Юристами, врачами...
Сделай милость,

Прими ты, гордых нас, как травостой,
Как тот полынный жухлый из пустыни
И тот — стеной степной — из ковыля.
О, Мати Дево,

Всех, кто без руля,
И без царя, пригрей отныне.
Такие завернули холода,
Что воробьи скукожились на ветке.

На подоконнике крещенская вода,
«Бон Аква», если верить этикетке.

Г. Климова «Мой утренний ангел...»

Мой утренний ангел с младенческим взором,
Назначь мне свиданье в том первом саду,
Где яблоки зреют к семейным раздорам,
Сулящим беду.

Мой утренний ангел невидим, но истов,
Впрягай меня в лямку смирительных крыл:
Три перистых,
Три серебристых, —

Чтоб аз приземлённый враз воспарил.
Но где даровитая эта обитель,
Где имя твоё и твои облака?
Пока не остыла ещё рука,

Где утренний ангел,
 Души восхититель?

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕДМИЦА

Блаженная Ксения Петербургская

Радуйся, имени своего отрѣкшаяся,
Себя же умершей именовавшая.
Радуйся, в юродстве имя мужа
Твоего Андрея принявшая.

Радуйся, именем мужеским назвавшись,
Немощи женской отрешившаяся.
Из акафиста св. блаженной Ксении Петербургской
Строчу ей записочку: по-мо-ги!

А с боку печатными:
«КСЕНИЯ, ЖЕНО,
БЫЛА ЛИ ХОТЬ СЧАСТЛИВА? НЕ СОЛГИ!»
Она мне: И днесь, и присно блаженна!

Зелёная юбка, красная кофта,
Отречься от имени жутко и просто,
Вроде бы Ксенья во мне померла:
Я — Андрей Феодорович!

Божьи дела.
Зелёная кофта, красная юбка,
А сердце шатко, на слёзы падко,
В мужнином платье иная повадка:

...и сам я — певчий из здешних мест,
Андрей Феодорыч...
А вдовый крест —
Не подвиг, не пытка, не однопутка,

Г. Климова «Мой утренний ангел...»

Лишиться мужа страшней, чем рассудка,
И мнимым безумием тихо сиять,
Синичкина песенка мне — благодать.
Впору картуз, башмаки на берёсте,

Мне б погостить у тебя на погосте,
Тут на Васильевском, где весела
Чернорабочей сновала пчела.
Вверх по лесам на себе кирпичи

С молитвой носила, с поклоном клала,
Новую церковь растила в ночи,
Спала по сугробам, не на печи,
Любовь как милостыню раздала...

О, Петербург, Петроград, Ленинград,
Ты Ксении — кто?
Не супруг и не брат.
Синей жилой в гранитах тужила Нева,
И Ксения, Ксюша твоя, жива!

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕДМИЦА

Где же ласточкины хвосты
Замка Сфорца и стен Кремля?
Наших спин сожжены мосты,
И ушла из-под ног земля.

Не спасётся ли Нотр-Дам
На одном крыле воробья,
В облаках ручного труда,
Из сырых лоскутов суровья?

Если дрозд станет россыпью звёзд,
То расстригами — все стрижи.
Я не верю в единственный гвоздь,
Ржа которого жалит Киж.

Диво горлинка — на Нерли,
Голубь ладожский — Валаам.
Только нам приподняться с земли
Не по силам и не по делам.

Г. Климова «Мой утренний ангел...»

Птицы водят клювами и перьями,
Правят воздух, утыкаясь в точку,
Часто стаями, но чаще — в одиночку,
Дух захватывая или строчку,
И в карман за словом лезут первыми,
Как за крошками и мошками, и перлами.
И — ку-ку вам! — пишушая братия,
Есть в моей сердечной сумке птица,
В птице — слово, чтобы не разбиться,
В воздухе, где я, как ученица,
Чтоб в полёте повторять распятие.

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕДМИЦА

В людном храме на рю Да Рю
По-французски не говорю,
Зажигаю свечу и горю,
И горю, и горюю по-русски:

Упаси и помилуй раба,
Без которого мне — труба...
Прямо в сердце стучится судьба.
Облака раздирают небо.

Но божественным сделался свет,
Как единственно верный ответ:
Ведь меня без тебя будто нет,
Есть любовь — перелетная птица.

Вместо крыльев две пары рук —
И на крест, и на жизненный круг.
Я — как север и ты — как юг,
И весна на пороге, и птица.

Обид забористых частокол,
Ни щели, ни лаза.
Слеза устремлённо ведёт протокол
Из левого глаза.

Трава подстрекает.
Подводит тропа,
Сто вёрст пешком до небес.
И что теперь плакать,

И что роптать,
Как дремуч мой путь
Через крестный лес.
И язык мой,

Возлюбленный враг,
Предрекая неравную битву,
Дальше Киева доведёт враз,
Лишь Иисусову вспомню молитву.

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕДМИЦА

Лев Толстой в Оптиной

Жиздра...

Жизнь, здравствуй!

Ты по течению мне — сестра,
Я против течения — брат твой.

В слезах и с одышкой трижды кругом
Скит обойдя, как отеческий дом,
Он застонал, когда все уснули,
Расхристанный, на раскладном стуле.

Пред вратами Оптиной:
Куда деваться с душой собственной,
С душераздирающим телом?
Жить не по силам... Услышь, Господь.

Во тьме этой, хваткой и оголтелой,
Отныло сердце, одеревенела плоть,
И пальцы уже не сложить в щепоть,
Пальцы мои окаянные...

Г. Климова «Мой утренний ангел...»

Выйдите, старцы, на вопль мой и крик,
Тут я — бессмертный и беглый старик,
Проклятый вами, ищу покаяния...
Пока нараспах Святые врата,

Воронья не застит мне свет чернота,
И если б призрел и пригрел меня Бог,
Я преступил бы порог...
Старцы в молитве стояли ночь.

Смирился, раскаялся или прочь,
В муках уйдёт навсегда?
В Жиздре застыла в ту ночь вода.
Он шёл и не видел своих дорог —

По самые брови шапка,
Палка опорой, — угрюмо и шатко,
Шёл собственной веры пророк.